

Annotation

Проясню малость ситуацию: дело в том, что я сейчас заиклился на одном довольно объемном рассказе, который планирую вот-вот закончить. Но "вот-вот" — это не сегодня и уж тем более не завтра. Поэтому волей-неволей, желая отдохнуть, привожу в порядок древние фонды, заканчиваю незаконченное, ежели оно того стоит и так далее. Перед вами — типичный пример этой моей самоинвентаризации.

Рассказ не идеален, потому и не был дописан сразу, однако после редакции стал, как мне кажется, читабелен. Главное — он навеен самой жизнью, и даже посвящен одному моему другу, хотя посвящение — недавнее...

Я зачем все это пишу? Собственно, для того, чтобы никто плохого не подумал. Потому просьба: ежели у кого мысли по поводу родятся — пишите, буду рад отреагировать на отреагированное. Кто узнал стиль Ю.В.М. - звиняйте, хлопцы, люблю я его.;

-
- [Ilia Dikov](#)
-

Ilia Dikov

Судьба человека

Андрею

Роза была маленькой, худенькой девушкой с лицом, постоянно овеваемым каким-то нездешним ветром. Глаза у нее были большие и мутные, как весеннее болото. Саша увидел ее на трамвайной остановке и сразу решил, что обязательно на ней женится. "Все равно я один, — подумал он, — и никого у меня нет". Он подошел и предложил девушке выпить с ним пива. Роза была не против, и уже в этот вечер позволила Саше овладеть своим худым и немного костлявым телом, которое ей самой казалось чужим и немного лишним. Постанывая и содрогаясь от неумелых, но страстных сашиних ласк, она лежала на кровати и думала о своем. Своего у нее почти ничего не было, кроме мятого платья в серый горошек, туфель и кое-какого белья, которое бесформенной кучей лежало на полу. Но Роза не унывала, зная, что вскоре все изменится, и даже улыбнулась от собственного оптимизма, когда Саша кончил и лег на кровать рядом с ней. "Кроме тебя у меня никого нет", — ласково сказал Саша, погладив ее грудь, и она снова улыбнулась, а мутных глазах на мгновение мелькнуло что-то быстрое и большое.

Через месяц они поженились. Саша просыпался каждое утро и шел на работу в архив, где переставлял с места на место толстые папки. Роза провожала мужа сонным взглядом и тут же снова утыкалась головой в подушку. Кроме кухни и спальни, она почти никуда не ходила, а все больше сидела на табуретке у окна и подолгу смотрела на суetyащихся внизу людей. Люди были похожи на больших разноцветных тараканов, которых она часто видела во сне. Муж Саша тоже был для тараканом. Она наблюдала за ним изнутри, а когда он ночью залезал на нее для любви, она и себя начинала чувствовать каким-то нелепым влажным насекомым. От такой жизни ее тело сильно располнело, раздалось вширь, но она по-прежнему чувствовала себя маленькой обиженной девочкой, нераспустившимся бутонем, в котором поселился тонкий, жадный червь. Время от времени она вспоминала про Сашу и тогда запрещала ему пить пиво или, например, ездить на трамвае. Сама Роза страшно боялась трамваев, и когда они с грохотом проезжали по улице за окном она убегала в сортир и там от

испуга мочилась. Однажды она услышала по радио песню про умирающие трамваи и заставила Сашу выучить ее наизусть.

Все шло обычным чередом. Саша возвращался домой поздно. Иногда он приводил с собой друзей или просто приносил бутылку водки и два лимона. Выпив, он начинал тихо плакать и все время повторял, что кроме жены у него никого нет, что он очень одинок и все его покинули. Друзья тревожно переглядывались и уходили, а Саша продолжал сидеть на кухне и плакать. Роза любила смотреть на пьяного мужа. Он казался ей ужасно смешным, и глядя на него, она часто хохотала до колик. Сама она водку не пила, ибо видела в ней что-то подозрительное, непобедимое. Ей больше нравилось мутное красное вино, такое же непрозрачное, как и ее глаза.

Через год Роза располнела еще больше и однажды вдруг поняла, что беременна. Рассказала об этом Саше. Тот обрадовался и подарил ей букет желтых нарциссов. Роза, наоборот, загрустила. Она злилась на себя за то, что пропустила момент зарождения новой жизни, поэтому ребенок казался ей чем-то совсем чужим и лишним. У Саши вдруг появилась странная привычка: по вечерам он гладил набухающий живот жены и радостно облизывался, глядя ей в глаза. "Кроме тебя у меня никого нет!" — говорил он ей в эти минуты. Вначале Роза пугалась, но потом привыкла и даже не могла без этого заснуть. Она боялась ребенка и часто вдела во сне, как он с улыбкой на лице разрывает на части ее чрево. Дни ее постепенно заполнялись ожиданием ужаса рождения, и это ожидание было даже хуже, чем ее навязчивый и оттого уже привычный сон. "Когда же все это кончится?" — спрашивала она саму себе и угрюмо молчала в ответ.

В августе случилось несчастье: Роза попала под трамвай. Никто так и не понял, что потянуло ее на улицу. "У беременных свои причуды", — говорили Сашины друзья и пожимали плечами. В последний свой миг она успела подумать: "А ведь он, трамвай, совсем не страшный, даже наоборот, такой большой и теплый", и еще: "А что будет с ним?" Она даже хотела дотронуться рукой до окровавленного живота, но успела лишь сделать это мысленно. Ей показалось, что ребенок плачет, и эта грусть нерожденного ребенка была последним, что удалось ей почувствовать в жизни. Так, охваченная чужой грустью, она и провалилась в забвение.

После смерти жены Саша бросил пить. На работу он ходил, чтобы как-то отдохнуть от горя. "Никого, — думал он в отрешенности, — никого у меня нет. Было — и вот не стало, — тут он вздыхал. — Эх-х... никого нет...". И не столько о смерти жены жалел он, сколько о проковырнувшейся вдруг в нем самой пустоте и бесприютности. Словно сам себя потерял. Однажды ночью к нему пришла Роза.

— Забыл ты меня, Саша, — сказала она с укоризной, глядя куда-то вглубь, мимо него.

— Забыл? Да что ты, Розочка, — забормотал Саша. — Да как же это — забыл? Каждый день... — Он осекся и понял вдруг, что действительно забыл. Внутренняя пустота засосала ее в себя, словно он сам душой своей в эту пустоту провалился.

Роза помолчала и ушла, вздохнув на прощание. Саша повернулся на другой бок и стал смотреть закрытыми глазами в стену. "Нету меня, — подумал он, улыбаясь во сне. — Нету!" За окном грохотали трамваи, уходя в неведомый парк, тихо и умиротворенно.

Москва, 1997